

11.47.

Н. РОЖКОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Издание И. К. Шамова, Бол. Грузинская ул., домъ Шамова.
1906.

Н. РОЖКОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ

ОЧЕРКИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Издание И. К. Шамова, Бол. Грузинская ул., домъ Шамова.

1906.

316 - 1250

М. 1/2

8-10

МОСКВА.
Университетская типография, Страстной бульвар.
1906.

H35
R 8731
1906
v.1
MAIN

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый вниманию публики сборникъ статей, печатавшихся авторомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на страницахъ журналовъ «Жизнь», «Образованіе», «Правда», «Міръ Божій», «Научное Обозрѣніе», «Вопросы философіи и психологіи», «Научное Слово», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и т. д., раздѣленъ на двѣ части въ интересахъ читателей: въ первую часть вошли тѣ статьи, которыя разсчитаны по преимуществу на широкіе круги читающей публики, хотя и преслѣдуютъ иногда задачи самостоятельнаго обоснованія опредѣленныхъ научныхъ взглядовъ; вторая часть будетъ состоять главнымъ образомъ изъ статей болѣе спеціальнаго характера. Читатель такимъ образомъ можетъ выбирать сообразно своимъ вкусамъ и интересамъ. Само собою разумѣется, предлагаемый сборникъ не включаетъ въ себя *всего*, напечатаннаго авторомъ за время его литературной дѣятельности: сюда не вошли большіе труды, какъ «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.» и «Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія», а также и нѣкоторыя брошюры: «Городъ и деревня въ русской исторіи», «Исторія крѣпостного права въ Россіи», «О формахъ народнаго представительства». Исключено также все то, что имѣло временное значеніе, что умѣстно было лишь въ періодическомъ изданіи.

Исторія, мораль и политика.

I.

Потребность знанія свойственна дикарю, стоящему на одной изъ начальныхъ ступеней духовнаго развитія, такъ же, какъ и современному культурному человѣку. Но мотивы, заставлявшіе и заставляющіе человѣка стремиться къ умственному прозрѣнію, и цѣли, которыя онъ при этомъ себѣ ставитъ, не всегда бываютъ одинаковы. Говоря вообще, не вдаваясь въ подробности, можно замѣтить, что основнымъ психическимъ побужденіемъ дикаря въ его стремленіи къ знанію являются *любопытство*, тогда какъ культурный человѣкъ руководится въ соотвѣтствующемъ случаѣ *любознательностью*. Въ чемъ разница между тѣмъ и другимъ? Въ томъ прежде всего, что любопытство—*безсознательное* стремленіе къ знанію, безъ ясно-сознанной цѣли послѣдняго, тогда какъ любознательность предполагаетъ *сознательную* цѣль. Возьмемъ первый попавшійся на глаза примѣръ: положимъ, уличную ссору или драку, вообще скандалъ. Всякому извѣстно, какую массу любопытныхъ, т.-е. просто склонныхъ поглазѣть, людей собираетъ обыкновенно подобное событіе. Имъ ничего тутъ не надо, они часто даже не знаютъ ссорящихся или дерущихся, имъ надо только поглазѣть да посудачить. Вотъ что значить любопытство. Но тотъ же уличный скандалъ можетъ представить интересъ и для любознательнаго, а не просто-любопытнаго человѣка: онъ можетъ дать ему картину нравовъ, бросить свѣтъ на понятія о правѣ и справедливости, господствующія въ массѣ, дать, наконецъ, возможность содѣйствовать защитѣ несправедливо обиженнаго и справедливой карѣ обидчика. Здѣсь сразу, такимъ образомъ, намѣчаются два основныхъ побужденій, психологически-создающія любознательность: во-первыхъ, стре-

мленіе къ практической дѣятельности, къ общественной пользѣ, во-вторыхъ, стремленіе къ наслажденію отъ самаго знанія, какъ организованнаго, осмысленнаго и систематическаго пониманія дѣйствительности во всемъ ея многообразіи. Наслажденіе стройностью, системой знаній и желаніе примѣнить послѣднія къ жизни и отличаютъ науку мало-мальски культурнаго человѣка отъ случайныхъ, беспорядочныхъ знаній дикаря. Это отличіе, какъ *принципъ*, складывается довольно рано. Уже въ средневѣковой схоластикѣ чувствуется неудовлетворенность безсистемнымъ и безцѣльнымъ знаніемъ, но, по естественной реакціи, эта неудовлетворенность принимаетъ крайнее направленіе, совершенно отлучается отъ той конкретной дѣйствительности, умственнымъ рабомъ которой былъ всецѣло и безраздѣльно дикарь. Средневѣковый ученый разсуждалъ такъ: зачѣмъ изслѣдовать отдѣльные физическія тѣла и химическіе процессы? Это узко; мы поищемъ лучше всесовершеннаго физическаго тѣла, которое будетъ превращаться во всѣ другія тѣла, а кстати будетъ излѣчивать и отъ всѣхъ болѣзней; зачѣмъ рѣшать мучительные, проклятые вопросы даннаго времени и мѣста? лучше найти одно всеохватывающее начало, одинъ ключъ ко всему въ мірѣ нравственныхъ отношеній и понятій; зачѣмъ изучать происхожденіе отдѣльных растительныхъ и животныхъ видовъ? мы лучше рѣшимъ вопросъ о происхожденіи всего міра и о природѣ Божества. Задаваясь такими вопросами, человѣческая мысль послѣ многихъ блужданій, ошибокъ и разочарованій отчаялась найти на нихъ точные, обоснованные и прочные отвѣты и снова обратилась къ конкретной дѣйствительности, но она вмѣстѣ съ тѣмъ систематизировала и обобщила данныя этой дѣйствительности и поставила себѣ опредѣленные практическія и теоретическія задачи.

Итакъ, современную науку отличаютъ два основныхъ признака: стремленіе къ наслажденію отъ организованнаго, осмысленнаго и систематическаго пониманія дѣйствительности и стремленіе къ приложенію теоретическихъ выводовъ на практикѣ. Эти признаки свойственны и исторіи, какъ наукѣ. Въ самомъ дѣлѣ: историкъ нашего времени, если онъ стоитъ на высотѣ положенія, не можетъ уже быть любопытствующимъ гробкопатель, безсознательно покрывающимъ себя архивной пылью и могильной гнилью, накапливающимъ безъ всякаго порядка и системы отрывочныя знанія,—онъ долженъ сдѣлаться любознательнымъ изслѣдователемъ, обобщающимъ фактическій матеріалъ, открывающимъ законы общественнаго развитія, наслаждающимся цѣльностью, стройностью и связностью своихъ научныхъ построеній. Проникновеніе въ тайны процесса развитія человѣче-

скаго общежитія, пониманіе прошедшаго и настоящаго и прозорливое предвидѣніе будущаго составляютъ для историка такую же неутолимую потребность и такой же неизсякаемый источникъ высокаго научнаго наслажденія, какъ для естествоиспытателя важно и интересно проникновеніе въ тайны природы. Мало того: и въ средѣ публики, сколько-нибудь мыслящей, читающей и интересующейся знаніемъ, прежнее историческое любопытство, интересъ къ историческимъ скандаламъ и историческимъ курьезамъ, постепенно и медленно, но неуклонно смѣняется исторической любознательностью; никто не можетъ устоять передъ соблазнительной перспективой представить себѣ въ простѣйшемъ видѣ, въ стройной системѣ все многообразіе и сложность исторической жизни, объяснить ее изъ немногихъ основныхъ началъ, изъ сочетанія нѣкоторыхъ простѣйшихъ элементовъ. Тому, кто занимается теперь научной исторіей, несомнѣнно, знакомъ очень хорошо восторгъ, охватывающій человѣка, когда изъ хаоса взаимно перепутывающихся, безсвязныхъ и бессмысленныхъ фактовъ получается единое связанное цѣлое, стройная система, изящное, исполненное глубокаго смысла построеніе.

Не будемъ однако преувеличивать достигнутыхъ въ этомъ отношеніи результатовъ, не будемъ утверждать, что всѣ стали истинно-любопытными по отношенію къ исторіи: нѣтъ, для многихъ, для очень еще многихъ безцѣльное гробокопательство, курьезъ, скандалъ и сплетня, касающіеся дѣятелей прошлаго, составляютъ если не единственный, то главный смыслъ и основную цѣль занятій исторіей. Едва ли не большее еще разнообразіе воззрѣній, стремленій и интересовъ наблюдается въ отношеніи къ вопросу о практическомъ примѣненіи научныхъ историческихъ выводовъ. Этотъ животрепещущій вопросъ и будетъ составлять предметъ нашего вниманія въ послѣдующемъ изложеніи.

Исторія—не что иное, какъ научное изображеніе процесса развитія человѣческихъ обществъ. Она имѣетъ дѣло, значить, съ людьми въ ихъ общественной и частной жизни, съ ихъ чувствами, желаніями, чаяніями, идеями, дѣйствіями, интересами, побужденіями и съ результатами всѣхъ этихъ явленій, какъ они отражаются въ жизни. Отсюда и явилась уже очень давно, еще въ древности, мысль, что «исторія—наставница жизни». Въ такой общей формѣ эта мысль едва ли подлежитъ спору. Но дѣло въ томъ, что въ эту форму вкладывается различное содержаніе. И прежде всего указанная мысль понималась въ смыслѣ узкоморалистическомъ, въ томъ смыслѣ именно, что исторія даетъ намъ рядъ готовыхъ конкретныхъ примѣровъ и иллюстрацій къ

азбучнымъ истинамъ прописной морали. Историкъ являлся, такимъ образомъ, строгимъ и безпощаднымъ нравственнымъ судьей, который произносилъ моральные приговоры надъ дѣателями прошлаго, раздавалъ имъ награды за добродѣтель и порицанія за порокъ, училъ, какъ нужно было поступить имъ въ томъ или другомъ случаѣ, чтобы не сойти съ установленной прописною моралью стези добродѣтели. Это отражалось и на самомъ объясненіи происхожденія и судьбы разныхъ историческихъ явленій: такъ какъ прописная добродѣтель должна непременно торжествовать, а азбучный порокъ обязательно терпѣть посрамленіе, то историкъ дѣлалъ чрезвычайныя усилія, чтобы показать, что такъ именно и было всегда въ историческомъ прошломъ. Онъ не обращалъ при этомъ вниманія на то, что у всякаго времени есть свои задачи, осуществляемыя въ определенныхъ условіяхъ, и не понималъ, что азбучная мораль хороша только въ прописяхъ. Понятно, что въ результатъ такого морализированія получалось неправильное пониманіе историческихъ явленій, а слѣдовательно и невѣрное ихъ изображеніе,—главная цѣль историческаго изученія оставалась недостигнутой.

Я не думаю утверждать, что изображенный сейчасъ взглядъ на исторію, ея задачи и методы отошелъ окончательно въ прошлое и не имѣетъ сейчасъ адептовъ. Общественная жизнь настолько сложное и громоздкое цѣлое, что въ ней всегда наблюдаются осадки давно пережитыхъ порядковъ и воззрѣній. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать элементарное морализированіе, до сихъ поръ иногда попадающееся въ историческихъ трудахъ, рѣдкостью и исключеніемъ, случайно уцѣлѣвшимъ обломкомъ старины.

На смѣну этому довольно-примитивному, элементарному, наивному, воззрѣнію выступаетъ другое, имѣющее значительное число сторонниковъ и въ настоящее время. Оно коренится въ нѣкоторыхъ общихъ, философскихъ идеяхъ, въ извѣстномъ направленіи философской мысли. Есть люди, которые глубоко и искренне убѣждены въ возможности и необходимости выработки и осуществленія въ жизни абсолютнаго нравственнаго идеала, такого моральнаго начала, которое было бы вѣчно, одинаково примѣнимо ко всѣмъ временамъ и народамъ. Съ этой точки зрѣнія, исторія человѣчества разсматривается какъ единый, цѣльный, не повторяющійся и послѣдовательно-развивающійся міровой процессъ, отдѣльныя частности котораго—исторіи отдѣльныхъ народовъ—представляютъ собою не что иное, какъ стадіи или ступени къ достиженію абсолютнаго нравственнаго идеала, и конечной цѣлью или результатомъ котораго является раскрытіе

этого идеала во всей полнотѣ и совершенствѣ. При этомъ исторія не всѣхъ народовъ имѣетъ значеніе: есть народы некультурные, которые не имѣютъ никакого историческаго значенія, потому что ихъ общественное развитіе не имѣетъ оригинальнаго, самостоятельнаго моральнаго содержанія; исторіей этихъ народовъ, съ этой точки зрѣнія, незачѣмъ заниматься, она не имѣетъ никакой цѣнности; изученію подлежитъ только исторія культурныхъ народовъ, создавшихъ что-либо особенное, оригинальное, индивидуальное въ нравственной сферѣ. Въ этомъ особенномъ, индивидуальномъ и состоитъ весь смыслъ исторіи, сущность которой, такимъ образомъ, не повторяется. А что не повторяется, что единично, то не подлежитъ изученію съ точки зрѣнія причинной связи, потому что для открытія причинъ требуется сравненіе одинаковыхъ, повторяющихся явленій. Въ исторіи важны не причины, а цѣли, такъ что между естествознаніемъ и исторіей существуетъ цѣлая пропасть. Нравственная оцѣнка—вотъ что главное въ историческомъ изученіи, для историка важно не столько то, что было, сколько то, что нравственно-обязательно, что должно быть съ моральной точки зрѣнія. Вы видите, что по существу эта теорія въ конечномъ результатѣ недалеко ушла отъ той, съ которой мы только-что раньше познакомились. Понятно, какое важное значеніе имѣетъ сейчасъ изложенная теорія для пониманія исторіи, какъ науки, для характеристики и правильной постановки ея метода, а также для опредѣленія практическаго примѣненія историческихъ знаній. Все новѣйшее направленіе въ исторической наукѣ отмѣчено ярко выраженнымъ стремленіемъ сблизить ее съ естествознаніемъ въ отношеніи метода и задачъ, а здѣсь мы встрѣтились сейчасъ съ полнымъ отрицаніемъ такого стремленія: къ чему, въ самомъ дѣлѣ, изслѣдовать эмпирически—путемъ наблюденія и, гдѣ возможно, опыта—причинную связь явленій, когда дѣло не въ ней, а въ цѣляхъ историческаго процесса? очевидно у исторіи долженъ быть свой особенный, ей только свойственный методъ, потому что и задачи у нея особенныя, не такія, какъ въ естественныхъ наукахъ. Вся работа послѣднихъ десятилѣтій въ области исторіи идетъ, значитъ, въ сущности насмарку, старые историки-моралисты были, слѣдовательно, ближе къ истинѣ, чѣмъ новые историки-ученые. Понятно, что и практическое значеніе исторіи пріобрѣтаетъ не тѣмъ, чѣмъ его пріобрѣтаетъ естествознаніе: тогда какъ послѣднее, изслѣдуя причинную связь явленій природы, стремится къ предвидѣнію и строитъ на этой основѣ цѣлый рядъ прикладныхъ знаній, исторія, изучающая цѣли и рассматривающая каждый данный моментъ какъ этапъ

на дорогѣ къ достиженію и осуществленію абсолютнаго и вѣчнаго нравственнаго идеала, практически-важна именно тѣмъ, что постепенно и частично раскрываетъ этотъ идеалъ, приближаетъ насъ къ пониманію цѣлей мірозданія. Отсюда не только возможны, но и необходимы нравственные приговоры надъ историческими дѣятелями; историкъ опять является въ роли строгаго судьи, своего рода цензора нравовъ.

Двумя изложенными взглядами не ограничивается разнородностица въ пониманіи практическаго значенія исторіи, какъ науки. Существуетъ еще третій взглядъ, основъ котораго надо искать не въ преклоненіи передъ прописной моралью и не въ философской метафизикѣ или, какъ обыкновенно теперь выражаются, философскомъ идеализмѣ, а въ практическихъ потребностяхъ минуты, въ борьбѣ интересовъ, партій, направленій и настроеній въ соединеніи со смутно-сознаваемой и признаваемой идеей исторической эволюціи, предполагающей долгую и постепенную подготовку явленій настоящаго момента въ теченіе цѣлаго ряда пережитыхъ столѣтій. Эта послѣдняя идея—несомнѣнное, прочное и важное приобрѣтеніе историческаго знанія въ наше время. Конечно, въ обществѣ, какъ и въ природѣ, нѣтъ ничего совершенно-изолированнаго, стоящаго внѣ связи съ другими явленіями, обособленнаго, являющагося вдругъ, по мановенію какой-то волшебной силы: все готовится послѣдовательно и постепенно, для всего существуютъ прецеденты и зачатки. Но идея эволюціи въ излагаемомъ взглядѣ переходитъ въ сознаніе необходимости застоя, неподвижности разъ сложившихся явленій и отношеній. Думаютъ, что каждый народъ имѣетъ свои коренные устои, постоянныя основы жизни, заложенныя въ историческомъ прошломъ, нерушимыя традиции, подлежащія сохраненію навсегда, при всякихъ возможныхъ въ будущемъ условіяхъ его существованія. Охрана этихъ національныхъ преданій, укрѣпленіе этихъ коренныхъ устоевъ—вотъ куда, съ точки зрѣнія послѣдователей этой теоріи, должны быть направлены всѣ усилія практическихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Стоить, такимъ образомъ, отыскать въ прошломъ прецедентъ извѣстному явленію или общественному идеалу,—и это явленіе или идеалъ оправданы и имѣютъ право на существованіе и дальнѣйшее развитіе. Практическое значеніе исторіи сводится, слѣдовательно, къ роли какого-то арсенала, складочнаго мѣста, изъ котораго въ потребныхъ случаяхъ подбираются подходящіе матеріалы. Такой приемъ—очень давняго происхожденія и часто встрѣчался и встрѣчается. «Самодержавство наше отъ святаго Владиміра», говорилъ Іоаннъ Грозный, указывая на справедливый, по его мнѣнію,

историческій прецедентъ. «Прежніе государи любили встрѣчу», (т.-е. возраженіе себѣ со стороны бояръ), замѣчалъ, пользуясь тѣмъ же методомъ, строптивый членъ боярской думы Берсень Беклемишевъ. Подобными примѣрами кипитъ окружающая насъ дѣйствительность.

Къ сказанному сейчасъ можно прибавить, что иногда высказывается еще мнѣніе, что цѣль изученія исторіи—возбужденіе патріотическихъ чувствъ или вообще проведеніе опредѣленныхъ политическихъ тенденцій въ томъ или другомъ направленіи. При такомъ возрѣніи рекомендуется часто прямо извращеніе истины: патріотъ—разсуждаютъ обыкновенно—долженъ любить свою родину, слѣдовательно признавать ее лучшей изъ всѣхъ странъ; поэтому лучше всего умалчивать о темныхъ сторонахъ прошлаго и выдвигать на первый планъ свѣтлыя явленія. Если же въ основу историческаго изложенія кладется опредѣленная политическая тенденція, то обыкновенно въ согласіи съ ней идеализируются дѣятели и украшаются явленія, почему либо подъ эту тенденцію подходящія, и порицается и затемняется все то, что не укладывается на Прокрустово ложе предвзятыхъ взглядовъ. Что бы мы сказали, если бы какой либо яростный республиканецъ сталъ изображать исторію Франціи безъ Людовика XIV, а роялистъ вздумалъ обойти молчаніемъ французскую революцію? Вѣдь въ результатѣ появилась бы, очевидно не исторія Франціи, а выдумка фантазера, произвольно и дерзко извращающаго истину. И развѣ не ясно, что истинный патріотизмъ заключается не въ любви къ воображаемой, реально-несуществующей, идеальной родинѣ, а въ любви къ родинѣ такой, какъ она есть, въ томъ, что мы болѣемъ ея горестями, мучимся недостатками и готовы пожертвовать всѣми своими силами, чтобы уничтожить все дурное, поднять уровень общественной жизни и осуществить идеалъ общаго блага?

Послѣдній взглядъ настолько грубъ (и, можно сказать, циниченъ), что его несостоятельность выступаетъ сразу во всей своей ясности. Замѣтимъ, что онъ, по своему характеру, родственъ тому примитивному моралистическому возрѣнію на исторію, которое было изложено раньше другихъ взглядовъ. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь и патріотическое (въ смыслѣ квасного патріотизма) и моралистическое возрѣнія на исторію покоятся на идеѣ, что убѣжденія и вѣрованія извѣстнаго лица или группы лицъ, существующія въ настоящее время, заключаютъ въ себѣ во всей полнотѣ и законченности абсолютную истину, пригодную для всѣхъ временъ и народовъ. Даже сторонники метафизическаго пониманія исторіи, предполагающіе, что въ исторіи послѣдова-

тельно и постепенно раскрывается абсолютный нравственный идеалъ, и что каждый дальнѣйшій моментъ исторической эволюціи является новой ступенью въ дѣлѣ раскрытія этого идеала, прибавляя къ его пониманію какую-либо новую черту,—даже они не могутъ подписаться подъ такимъ наивнымъ моральнымъ абсолютизмомъ. Послѣ появленія великихъ трудовъ Юма и Канта становится необходимымъ критическое разсмотрѣніе такъ называемыхъ гносеологическихъ вопросовъ, т.-е. вопросовъ теоріи познанія, вопросовъ о томъ, какъ широки предѣлы человѣческаго познанія и каковы его методы. А между тѣмъ эти вопросы игнорируются историками-моралистами, историками-патріотами и историками тенденціознаго направленія, какъ будто бы не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что мы совершенно точно знаемъ всѣ сущности вещей.

Научное естествознаніе хорошо знаетъ относительность и ограниченность нашихъ познаній о внѣшнемъ мірѣ, ихъ зависимость отъ нашей собственной физической и психической организации. Въ природѣ, въ дѣйствительности, въ мірѣ, какъ онъ есть самъ по себѣ, нѣтъ, напр., цвѣтовъ, которые мы ощущаемъ; цвѣта и свѣтъ вообще—только состоянія нашего сознанія, и *эти-то состоянія нашего сознанія мы только и познаемъ, когда знакомимся съ явленіями бытія*, а самой сущности бытія мы не знаемъ и не можемъ знать. Кантъ выразилъ эту мысль такъ: въ явленіяхъ бытія мы познаемъ только *феномены*, т.-е., то, что намъ кажется, и намъ недоступно познаніе *ноуменовъ*, т.-е. того, что есть на самомъ дѣлѣ. Но если наши познанія о томъ, что есть, такъ ограничены и относительны, то, можетъ быть, мы обладаемъ абсолютными, неограниченными и безотносительными познаніями о томъ, что должно быть, что нравственно обязательно? И на этотъ вопросъ можно дать только отрицательный отвѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ: стоитъ только взглянуть на процессъ нравственнаго развитія того или другого народа, чтобы убѣдиться, что понятія о нравственности такъ же мѣняются, какъ и всякія другія понятія, и мало того—мораль того или другого историческаго момента въ нормально-развивающемся, не разрушающемся человѣческомъ обществѣ соответствуетъ насущнымъ потребностямъ этого общества, содѣйствуетъ его дальнѣйшему сохраненію и развитію. Эта мораль, такимъ образомъ, совершенна для своего времени. Такъ, напр., такъ называемый формализмъ древняго права и судопроизводства совершенно не вяжется съ нашими современными понятіями о нравственности: формализмъ этотъ заключался въ томъ, что судья не разбиралъ дѣла по су-

шеству, не взвѣшивалъ отдѣльныхъ доказательствъ, а безусловно вѣрилъ показаніямъ истца, разъ соблюдена была извѣстная, предписанная юридическимъ обычаемъ форма: напр., иногда требовалось извѣстное число свидѣтелей, показывавшихъ притомъ единогласно, при чемъ судья не провѣрялъ достовѣрности свидѣтельскихъ показаній, судилъ не по совѣсти, а по формѣ; намъ такой судъ представляется вопіющей несправедливостью. А между тѣмъ въ свое время онъ не только соотвѣтствовалъ господствовавшимъ тогда нравственнымъ понятіямъ, но и дѣйствительно былъ справедливъ для общества и отдѣльныхъ лицъ, гармонировалъ съ ихъ интересами: если бы судѣ была предоставлена большая власть, то при некультурности общества и при невозможности контроля и надзора открылось бы неизмѣримое поле для судейскаго усмотрѣнія и для страшныхъ злоупотребленій. Или: нашъ умъ и наше чувство не мирится съ крѣпостными порядками, мы привыкли считать личную свободу необходимымъ требованіемъ морали. Но было время, когда она была нравственнымъ зломъ, потому что вела къ гибели не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлаго общества: крѣпостное право нѣкогда было необходимо именно потому, что обезпечивало маломощному, безкапитальному, неимущему большинству населенія нравственную и матеріальную помощь со стороны болѣе состоятельной части населенія, чѣмъ достигались цѣли не только существованія, но и дальнѣйшаго развитія общества въ матеріальномъ, моральномъ и умственномъ отношеніяхъ. Нравственныя понятія, такимъ образомъ, тѣсно срастаются съ реальными условіями общественной жизни, неотдѣлимы отъ послѣднихъ и, слѣдовательно, измѣнчивы, потому что и реальныя условія общежитія постоянно мѣняются, не находятся въ покоѣ, все измѣняется, «все течетъ», какъ говорилъ еще древній мудрецъ.

Итакъ, *нравственныя наши понятія, понятія о морали, нравственно-должномъ, столь же измѣнчивы и относительны, какъ и понятія о всемъ существующемъ.* Отсюда слѣдуетъ, что принимать ихъ за абсолюты и судить на основаніи этихъ мнимыхъ абсолютовъ о прошломъ никакъ нельзя. Слѣдовательно, морализованію и всякой тенденціи—патріотической и политической—нѣтъ мѣста въ исторической наукѣ, правильно поставленной. Наивно-моралистическая и грубо-тенденціозная точки зрѣнія на практическое, житейское значеніе исторической науки въ общественной жизни отпадаютъ, такимъ образомъ, сами собой, теряютъ всякій смыслъ и значеніе.

Быть можетъ, однако, сохраняетъ свой смыслъ и значеніе метафизическое пониманіе исторіи и вытекающій отсюда взглядъ,